

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 60 (3716)

Вторник, 21 мая 1957 г.

Цена 40 коп.

20 мая утром в столицу Демократической Республики Вьетнам — Ханой по приглашению Президента ДРВ Хо Ши Мина прибыл Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов.

Исполком Моссовета 17 мая утвердил генеральный план строительства столицы на ближайшие пятилетие.

Волонка — завод имени Лихачева, Филли — село Мазилово, район Хорошевского шоссе, Верхние Мневники, Текстильщики, Кузьминки и, конечно, Юго-Запад и Черемушки. Здесь предстоит построить около шести миллионов квадратных метров жилья.

Новые здания, главным образом пяти-шестиэтажные. Будут строиться по проектам, несколько отличным от существующих. Первые этажи не будут использоваться под подсобные помещения (маггазины, парикмахерские, аптеки и т. д.) — все отдается под жилье.

Декада татарского искусства и литературы в Москве

С музыкой, песнями и танцами татарского народа поздравит москвичей театр и коллективы художественной самодеятельности республики. В декаду Театр оперы и балета имени Мусы Джалиля покажет четыре оперы и один балет.

В преддверии лета

Мягкая зима этого года не тронула, не повредила ни единой почки. Белые шапки абрикосов, вишен и груш были такими лихими, что словно пену цветные совсем не примечательны. Потом все порозовело — это вступили в весну осторожные яблони.

Неделя украинской литературы в Белоруссии

Белорусская Республика МИНСК (Наш корр.). Союз писателей Белоруссии решил провести в республике в конце июня неделю украинской литературы.

Встреча руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с писателями, художниками, скульпторами и композиторами

Многочисленные представители советской интеллигенции провели воскресный день 19 мая в подмосковной местности на правительственной даче. Здесь состоялась встреча руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с писателями, художниками, скульпторами, композиторами.

III ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ЗА ПАРТИЙНУЮ ПРИНЦИПАЛЬНОСТЬ, ЗА ЕДИНСТВО СИЛ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

ЗАСЕДАНИЕ 14 МАЯ

С позиций жизни

Мы собрались здесь сегодня для того, — начал свое вступительное слово А. Сурнов, — чтобы обсудить насущные вопросы, возникшие после Второго Всесоюзного съезда писателей и, в особенности, после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Коммунистическая партия Советского Союза, освободившая наше общество от некоторых сковывавших его развитие последствий культа личности, шла в авангарде трудящихся, добилась немалых успехов в осуществлении задач, поставленных XX съездом партии. Реализация решений XX съезда происходит в атмосфере высокого народного доверия ко всему, что предпринимается партией и правительством.

Все это определяет и круг задач, стоящих перед советской литературой. Задача эта велика и многосложна. Далеко не все из них нам удалось изложить в коллегиях нашего секретариата достаточно широко, ясно и глубоко.

Создавая этот доклад и подвергая критике некоторые произведения, написанные в последнее время, мы стремились дать материал пленуму для активной дискуссии, которая в итоге привела бы нашу литературу не в распыление по противоборствующие группы и течения, а к принципиальной консолидации на основе всех нас объединяющего стремления быть максимально полезными своему народу и партии в их борьбе за построение коммунизма.

Поэтому уже ясно многие недостатки этого доклада. Главный из них состоит в том, что доклад повернул плечо вдалеком, но все же промолчу, что в нем нет широкой и смелой постановки основных задач, которые советским литераторам предстоит решать.

Мне кажется, что в докладе нам следовало бы шире говорить о авторской роли социалистического реализма. К заострению именно этого вопроса нас обязывает возрождение в некоторых соседних нам странах попыток противопоставить социалистическому реализму, как якобы бытскому консервативным традициям, новое новаторство современных модернистов.

Мы выиграем бой за социалистический реализм, если будем опираться на соразмерный опыт нашей литературы. Черты новаторства присутствуют во всей нашей литературе. Иногда оно резко выражено в форме и стиле произведений, как, например, в творчестве Маяковского, иногда скрыто в глубине, казавшей бы, традиционных форм, как в романах Шолохова и Фадеева, Алексея Толстого и Федина.

Крупным недостатком всех предшествовавших дискуссий о нашем творческом методе являлась, на мой взгляд, крайняя слабая опора на тот богатый и многообразный опыт, который накоплен за сорок лет всеми братскими советскими литературами.

В последние годы и читатели, и критики упрекали многих из нас за то, что в литературе появляются серые, посредственные, а иногда и просто халтурные произведения. Да и минувший год показывает, что борьба за художественное качество продолжается, оставаясь такой же актуальной задачей, как это было год-два-три-четыре года назад.

В новой обстановке

Литературная жизнь, — сказал открывший прения И. Абашидзе, — оказалась более сложной, богатой, многообразной, более стремительной, чем об этом можно было бы судить по нашему II съезду. Участники съезда писателей совсем не коснулись тех проблем, которые вскоре выдвинул XX съезд партии.

История советской литературы показала, что ослабление связи писателя с народом неизбежно приводит к оскудению содержания его творчества, к упадку и вырождению его мастерства.

Опыт литературы военных лет показал, что слова Маяковского «И песня, и стих — это бомба и знамя, и голос победы» — не хлесткая поэтическая декларация, а жизненная позиция литературы в дни народных бедствий и торжеств.

Послевоенный опыт некоторых наших писателей во всех братских литературах показывает, что и в мирное время литература может найти позицию для изучения народной жизни внутри.

Вопрос о связи литературы с народом следует рассматривать в свете тех гигантских созидательных задач, которые решаются трудящимися под руководством Коммунистической партии, чтобы эти задачи были для писателей личными задачами, чтобы радости и печали народа были не привнесеным извне строительным материалом для литературного произведения, а личными радостями и печальми литератора — гражданина своей страны.

ЗАСЕДАНИЕ 15 МАЯ Проникновенно писать о Родине, о партии, о советском человеке

Утреннее заседание 15 мая открылось речью П. Бронни. Упомянув о тех исторических изменениях, которые произошли и происходят в нашей стране после XX съезда КПСС, о том уже заметном

и плодотворном влиянии, которое оказали решения этого съезда на развитие советской литературы, П. Броння делает вывод о важности задач, которые выдвигает сейчас жизнь перед советскими литераторами.

Белорусские писатели и поэты, — говорит оратор, — проявили очень большую заинтересованность в делах своих товарищей из других литератур Советского Союза. Мы росли при братской помощи великой русской литературы, учились у нее революционной направленности, нас вдохновляло произведение наших современников — русских писателей. Но некоторые из произведений, появившихся в последнее время, не вдохновили, а возмутили нас до глубины души.

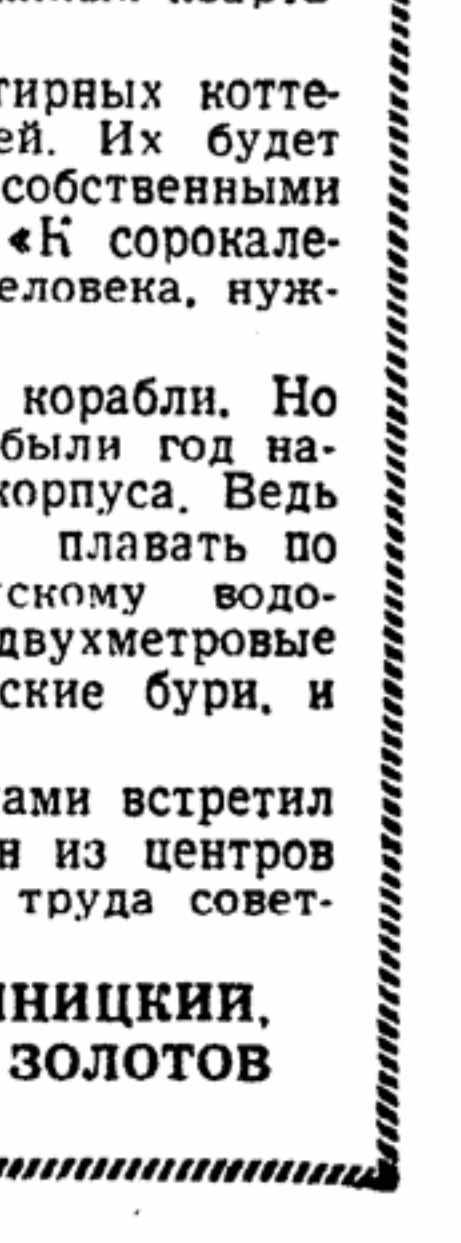
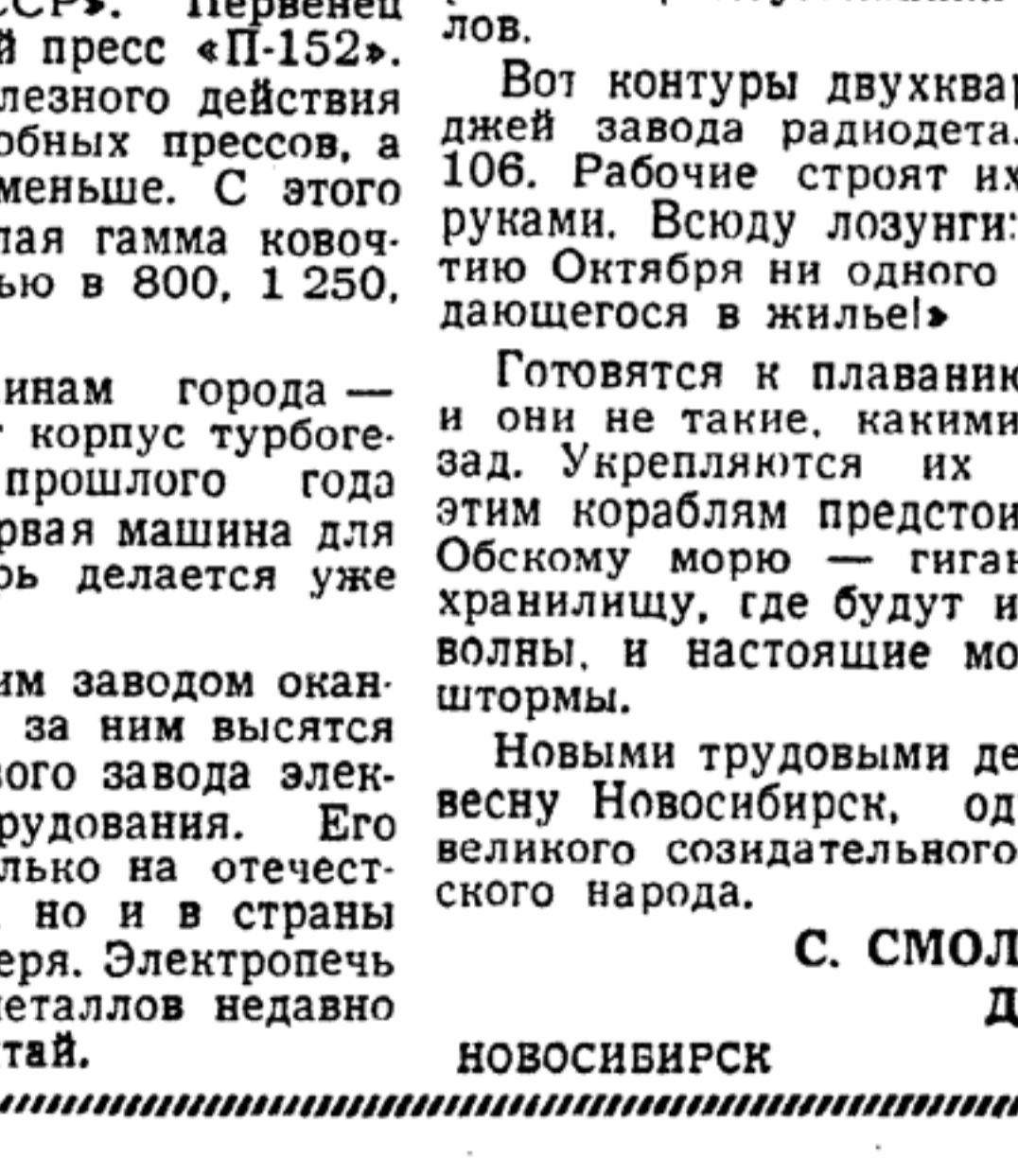
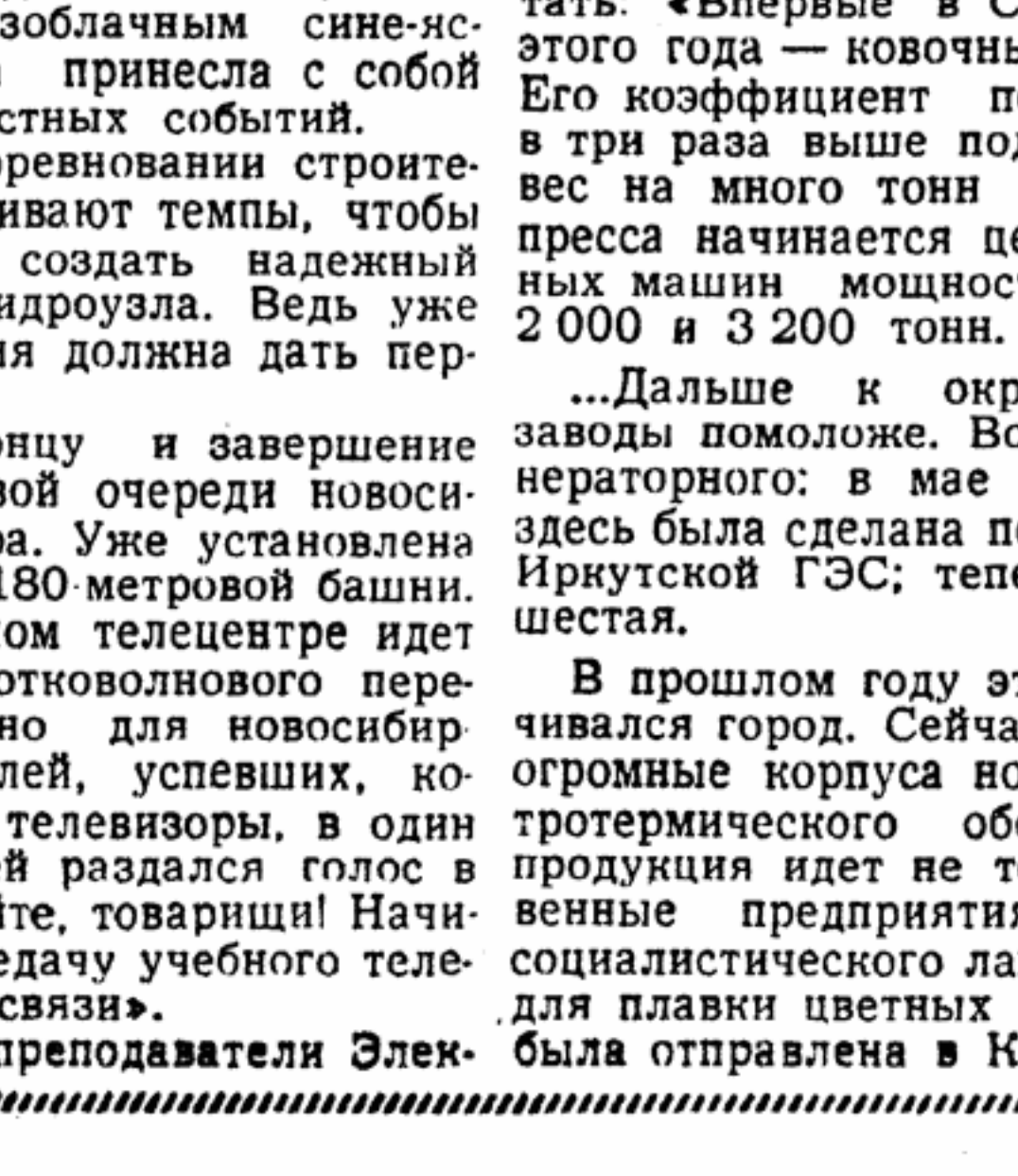
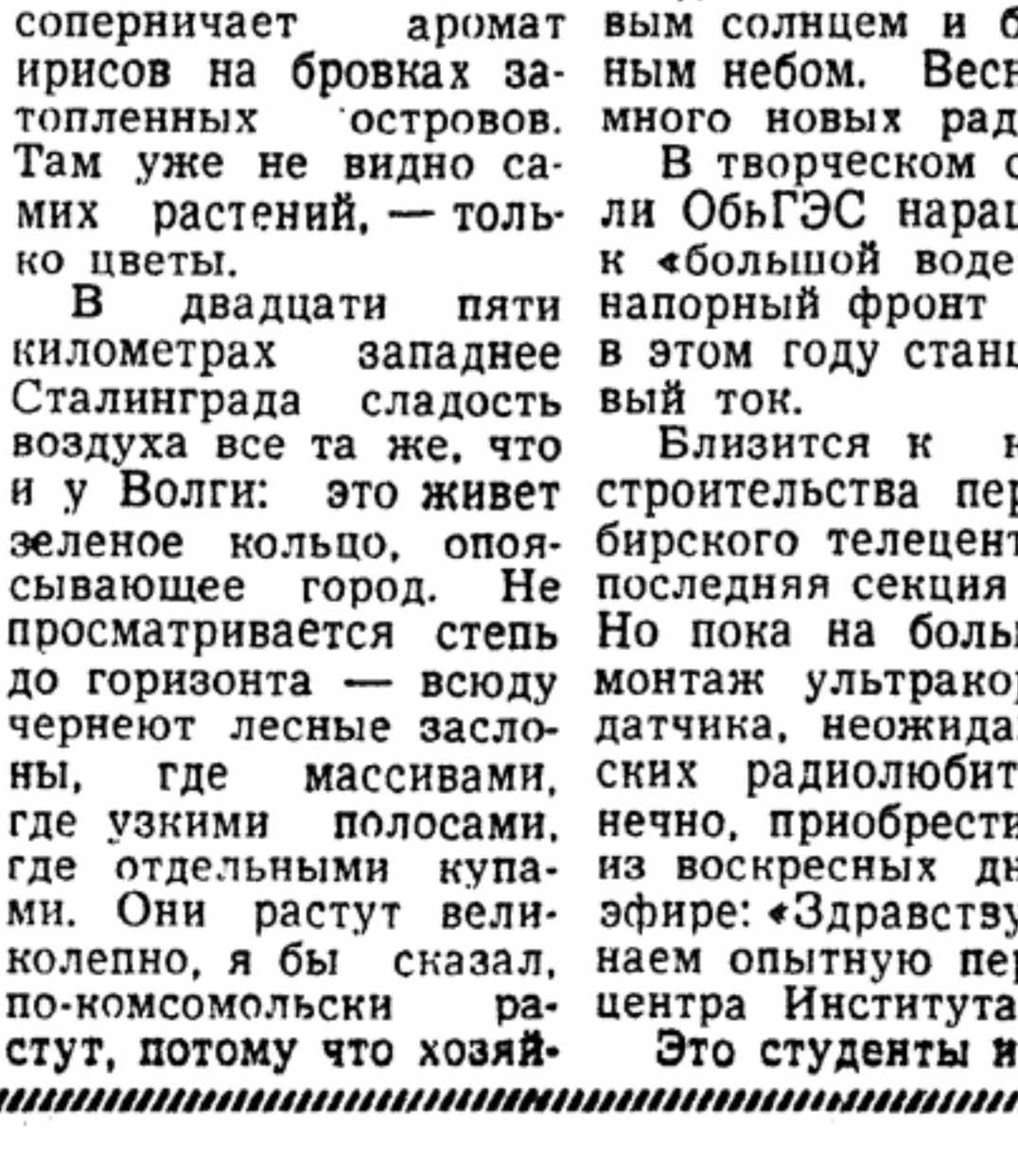
Встреча руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с писателями, художниками, скульпторами и композиторами. Многочисленные представители советской интеллигенции провели воскресный день 19 мая в подмосковной местности на правительственной даче.

Вот картина дзункуартырских коттеджей завода радиодеталей. Их будет 106. Рабочие строят их собственными руками. Всюду лозунги: «К сокращению Октября ни одного человека, нуждающегося в жилье!»

Готовятся к плаванию корабли. Но и они не такие, какими были год назад. Укрепляются их корпуса. Вель этим кораблям предстоит плавать по Осскому морю — гигантскому водохранилищу, где будут и двухметровые волны, и настоящие морские бури, и штормы.

Новыми трудовыми делами встретил весну Новосибирск, один из центров великого созидательного труда советского народа.

С. СМОЛЯНИЦКИЙ, Д. ЗОЛОТОВ

(Продолжение. Начало на 1-й стр.)

обтекаемой форме, с постоянными оговорками, что вот, мол, опытным и талантливым писателям иногда изменяет чувство жизненной правды, что они, показывая теневые стороны жизни, не сумели раскрыть активность масс... Вряд ли это можно отнести ко всем названным произведениям.

Роман В. Дудинцева и подобные ему произведения — явление в литературе отрицательное. Тов. Симонов, и как секретарь правления Союза писателей и как редактор «Нового мира», допустил серьезную ошибку, опубликовав роман в таком виде. Мы не можем мириться с тем, что у нас появляются произведения, в которых возводятся киветы на нашу действительность. Печально, что эти нездоровые явления возникли в московской писательской среде. Радостно, что они не нашли поддержки в республиках, в частности у нас, в Белоруссии.

Мы должны договориться на нашем пленуме о том, что надо понимать под лакировкой. Нельзя допускать того, чтобы провинциальные произведения о Родине,

о партии, о советском человеке вдруг с чьей-то легкой руки объявлялись лакированными. Лакировка есть неправильное изображение действительности, а пусть даже восторженное отражение жизни, но жизни действительной, нисколько не давая права называть такое произведение лакированным. У нас же появилось мнение, что показ всего хорошего, что делается, является как бы пресупернатальным. Скоро будет 40 лет Октябрю. Много, очень много хорошего сделала наша партия, наша страна, сделали советские люди. Где же восторженные слова об этом? Маяковский на десятом году революции, когда было сделано значительно меньше, не боялся написать поэму «Хорошо!», где утверждал: «И жизнь хороша, и жить хорошо!»

В заключение П. Бровка критиковал правление Союза писателей СССР за слабое внимание к братским литературам. Он предложил создать Союз писателей РСФСР, чтобы союзное правление могло больше внимания уделять республиканским литературам.

По в качестве высшего меридиала работы писателя социалистической страны! В Югославии, в стране с большой и интересной литературой, вдруг взмывает поднятый над всеми молодой и, как это можно судить по немногочисленным его стихам, не бесталанный поэт Васко Попа. Он пишет, например, такие стихи (цитирую в подстрочнике):

Одни отгрызают у других руки,
Или ноги, или все равно что.
Хватают в зубы, несутся что есть мочи,
И в землю закапывают это.
Другие несутся во все стороны,
Выискивают, ищут, вынохивают,
Ищут, всю землю развораживают,
Если найдут счастливым свою руку или ногу

Или все равно что, Ик очередь теперь кусаться, Игра продолжается. И продолжаться она, пока есть руки, Пока есть еще ноги, Пока еще есть все равно что.

И все это критиком поднимается, раздувается до невероятных размеров, все это выдвигается за смеельность, за литературные открытия, открытия, про это говорится, что все это «безумно ново». На самом деле оно только повторяет заду Луи Селюна и еще более раннего писателя — Михаила Арцыбашева.

Но Михаил Арцыбашев и Луи Селюна жили в капиталистическом обществе, они творили в царской России в пору глухой реакции, другой шумел в Европе, охватившей паникой перед нарастающим немецким фашизмом. Так что если и можно видеть в приведенном примере элемент новаторства, то его надо искать в том, что молодые литераторы, помахивая ветхими буталофскими арцыбашевскими отребьями, живут и работают в странах, написавших на своем знамени святое слово «Социализм», и еще в том, что критики, живущие в этих странах, вместо того, чтобы серьезно, марксистски проанализировать их творче-

ство, возводят это жалкое эпитимное, этот мещанский анархизм в перлы создания. Вот это действительно ново, и над этим, как мне кажется, и нам, советским литераторам, и нашим друзьям из социалистических стран, и всем прогрессивным писателям мира стоит задуматься.

Ну, а нападки таких, как Ян Котт, мы как-нибудь переживем, ибо по-прежнему хорошие друзья нашей советской литературы Ромэн Роллан, Лу Синь, Анри Барбюс, Мартин Андерсен-Нексе, Теодор Драйзер, Рабиндранат Тагор придерживались на этот счет иного, и — пусть уж Ян Котт на меня не сердится — противоположного ему мнения. Среди немногих корифеев демократической литературы мира в живых остался великий ирландец Шон О'Кейси. Недавно, в марте, я получил от него письмо. Это глубоко личное письмо, и мне неудобно его цитировать целиком, но все оно полно глубокого уважения к нашей стране, к нашему народу и к нашей советской литературе.

«Прощу вас, мой друг, — пишет этот живой классик ирландской литературы, — прошу вас, передайте мое уважение и мою любовь всем вашим товарищам, советским писателям, и народу, породившему столько мужчин и женщин, внесших свою лепту в то, чтобы само слово «человек» звучало гордо, породившему двух великих душ — Ленина и Сталина, которые повели народ по пути социализма, воследили во многие народы мужество следовать по тому же пути братства всех людей».

Таких высказываний много. Они раздаются во всех странах. Мы слышим их чаще, чем хулу. Но еще более важным и дорогим для нас является то, что за рубежом нашей Родины все больше и больше читаются книги советских писателей, что лучшие из наших книг читаются в социалистических странах как учебники жизни, что труженникам капиталистического мира они светят, как «маяки надежды».

В последние годы проявилась большая творческая активность. В то же время перед нами возникает много трудностей, с которыми они не смогут справиться без помощи секретариата. А. Башкиров подвергает резкой критике Росгиздат за недостаточное внимание к нуждам автономных республик, за неправильное, по его мнению, распределение фондов бумаги; он требует рассмотрения вопроса о штатах местных журналов и альманахов и других организационных вопросов.

В. Овечкин в своем выступлении заявил, что доклад, представленный секретариатом, не вызывает желания спорить, но не высказал своей точки зрения ни по одному из поднятых в нем вопросов. Такая позиция В. Овечкина не встретила одобрения пленума.

Внимание литературам автономных республик

Большую часть выступления чувашский писатель А. Башкиров-Таливр посвятил положению дел в писательских организациях автономных республик. Из доклада секретариата, сказал он, совершенно выпала литература автономных республик Российской Федерации. Положение в писательских организациях, в частности в чувашской, секретариату известно плохо.

В. Овечкин в своем выступлении заявил, что доклад, представленный секретариатом, не вызывает желания спорить, но не высказал своей точки зрения ни по одному из поднятых в нем вопросов. Такая позиция В. Овечкина не встретила одобрения пленума.

Следовать примеру Горького

— Мы соборались здесь, — говорит С. Михалков, — главным образом для того, чтобы наметить действительную программу нашей дальнейшей творческой жизни, программу, осуществление которой даст народу много новых произведений. Поэтому сегодня мы должны поговорить о том, что нам мешает в работе.

К сожалению, стиль работы нашего творческого союза, его структура и главное — методы работы с писательской массой очень мало похожи на стиль работы творческой организации.

У нас с большой охотой регистрируют ошибки отдельных писателей и мало замечают успехи, об удачах говорят только тогда, когда уже нельзя молчать. Мы часто являемся именем Горького, но мало

следует его примеру. У нас еще нет коллективного Горького в руководстве Союза писателей. К Горькому ходили за советом, за действительной творческой помощью, за добрым словом, которое так необходимо писателю. В Союз же писателей ходят за получением командировок, за квартирами, по конфликтным делам. Но я полагаю, что все это можно было бы исправить, если бы мы коллективно подумали, как это сделать.

В последнее время, продолжает С. Михалков, в нашей литературе как-то потихоньку появились произведения, вызывающие, мягко говоря, недоумение и тревогу: путанные статьи, двусмысленные рассказы, странные стихи. Авторы этих произведений, скажем, А. Яшина или В. Дудинцева, попадают в своих. Не хотели, но попали.

Конечно, писатель, как и любой гражданин, имеет право высказывать свое мнение, но с чего же начинается писатель? С крика об удивленном факте? С сенсационного оглашения о чрезвычайном происшествии? По-моему, не так, это не выражает ни существа нашей литературы, ни характера и специфики писательского труда.

Нельзя сказать, что писатель начинает с извещения о чрезвычайном происшествии. Если писатель не натуралист, а художник, то факт послужит ему основой для раздумья, и в итоге это приведет его к картине с верными перспективами. Большой художник должен не только знать, но и понять, что надо здесь делать. Именно так и рождается художественное произведение.

Большой удачей нашей литературы, по моему, является «Деревенский дневник» Е. Дороша. Автор критикует, но одновременно и выступает, как активный участник общенародной жизни, который знает, во имя чего бороться и как бороться. Но есть книги, где положительные примеры жизни народа совершенно замаскированы негативными фактами, и в этом порок, в частности, романа В. Дудинцева. За смелыми заявлениями, максималистскими требова-

ниями авторы забывают о том, как в пелом прозвучит их произведение. И оно наполняется единичными выкриками по поводу единичных фактов.

В. Озеров подробно анализирует рассказ А. Яшина «Рычаги». По мнению автора, говорит оратор, герои рассказа — это хорошие люди, а они на самом деле — лицемеры. Как примирить это противоречие? Оно непримиримо. Это художественный и политический просчет. Яшина хотел разоблачить фальшивых людей, но рассказ так, что он их облетает. Для чего это делать, если это люди плохие, не наши, не коммунисты.

Наша литература всегда исповедовала и исповедует другую мораль, она учит людей говорить правду, смело бороться, не лавасовать перед правдой, открыто идти на защиту своих идеалов. Этому рассказ А. Яшина не учит, не помогает вести борьбу. Это произведение оказалось произведением, поступившим на вооружение совсем не нашим людям.

В связи с вопросом о правде жизни нам надо поговорить об авторской позиции. Основа художественного наблюдения за жизнью — это наблюдение осмысленное, делаемое человеком твердых убеждений, широкого взгляда. Если писатель открыл новый тип, новые явления, — это поддела, важно, в каком свете он их показал. В. Озеров высказывает свои соображения о нечеткости авторской позиции по отношению к образу Павла Мансурова в повести В. Тендрякова «Тугой узел». Эта нечеткость

Живописать труд советских людей

— Мы очень много внимания и сил потратили, — сказал М. Соколов, — и до съезда и после съезда на разговоры о том, что нам надо, чтобы в конце концов понять одну важнейшую задачу, которая стоит перед нами: надо живописать героический труд наших советских людей. Давайте условимся не растрачивать свою творческую энергию на вопросы, о которых и спорить нечего.

40 лет существует Советская власть, много лет существует наша писательская

организация. Как она спорила по вопросам об отношении литературы к народу и народа к литературе? О наших обязанностях перед государством, перед партией? Это вопросы не дискуссионные, а для нас ясны. Но некоторые упорно продолжают спорить и дискутировать. А ведь здесь, на поверку, дело идет не о малых вещах, дело идет о том, что в литературу полет мещанин — тот самый, против которого всю жизнь воевал Алексей Максимович Горький и нам завещал делать то же.

Расцвет национальных литератур

— Двадцатый съезд КПСС, — подчеркивает он, — открыл новые широчайшие возможности для расцвета литературы всех братских советских республик. Это наглядно видно на примере казахских писателей, создавших за последний период немало подлинно интересных книг. Таковы произведения Мухтара Ауэзова, В. Кабулова, Т. Ахтанова, Д. Абдылаева, Х. Ергалева, Ж. Саина, Ж. Молдагалыева, Г. Каирбекова и ряда других. Каждое из этих произведений еще и еще раз подтверждает великую жизненную силу единственно правильного метода литературы нового мира — метода социалистического реализма, дающего возможность проявления широкой творческой инициативы, выбора разнообразных форм и стилей в соответствии с индивидуальными склонностями и вкусами писателей.

Оратор резко протестует против попытки некоторых критиков умалять достижения казахской советской литературы.

Оратор вместе с тем отмечает, что многие

Нужен большой разговор о творческой оригинальности

О путях развития советской поэзии говорит Н. Рыленков. Обращает на себя внимание одно, по мнению оратора, весьма показательное явление. Это, так сказать, «второе рождение» ряда видных поэтов, начавших свой творческий путь много лет тому назад. — В. Кагия, В. Луговского, Н. Заболотного, Л. Мартынова и других. Люди они разных биографий, различных литературных судеб, каждый в свое время внес заметный вклад в советскую поэзию. В последнее время они опять заговорили — новыми, полными силы голосами. Их творчество является ярким отражением того подъема, который охватил всю нашу литературу после XX съезда КПСС.

Отмечая успехи этих поэтов, Н. Рыленков вместе с тем останавливается и на недостатках творчества одного из них. Речь идет о Л. Мартынове, который, наряду с значительными стихами, порой публикует произведения слабые, поверхностные. Нельзя не согласиться, говорит оратор, с тем, что было сказано по этому поводу

дает повод некоторым читателям толковать образ Мансурова, как некоего «лишнего человека», сильную натуру, загубленную средой.

Мы не откажемся от полезной остроты критики тех мелкобуржуазных, дождных, обывательских настроений, которые иногда у нас проявляются. Мне думается, что эти настроения имеют связь с некоторыми ошибками в развитии нашей теоретической мысли за последнее время, с некоторыми отступлениями от правильных идей социалистического реализма.

Явно упрощенной и неверной была точка зрения, согласно которой критический реализм силен только своей негативной направленностью, а социалистический реализм — позитивной направленностью. Эта точка зрения отвергнута. Но при этом некоторые стали забывать, что критический реализм, будучи вдохновен верой в передовые идеалы, все же прежде всего должен был отрицать и отрицал общее несправедливое жизненное устройство капиталистического общества. А социалистический реализм, будучи беспощадным в критике всего старого и отсталого, преследует прежде всего задачу утверждения реально существующей новой действительности.

Приходится сожалеть, что В. Озеров ничего не сказал пленуму об идейно-воспитательной работе в возглавляемом им Литературном институте. Писателям следует знать, как готовится литературная смена, они несут ответственность за нее.

Поэты сходят с проверенных времен вершин

— Поэты сходят с проверенных времен вершин народной жизни, становятся в позицию, совсем не свойственную нашему читателю, нашему герою. Такую позицию можно назвать карачками. Встав на четвереньки в таких стихах, чтобы лучше разглядеть жизнь, поэт, естественно, утрачивает чувство горизонта.

Наша критика, а также работники журналов, печатающих стихи, забывают в оценке стихов такой критерий, как талантливость. Только этим обстоятельством объясняется небольшое количество ничемных стихов.

Друзья и враги советской литературы за рубежом

Большую речь произнес на пленуме Б. Полевой.

— Наша литература возбуждает у наших идейных противников ослепливое беспокойство, — сказал он. — Они не жалуют ни сил, ни слов для того, чтобы ее дискредитировать, обогатить, оклеветать. И все это для того, чтобы нейтрализовать влияние наших книг и пьес, наших кинокартин на западного читателя и зрителя.

За годы существования советской литературы у ее, так сказать, кадровых, профессиональных недругов выработались три линии удручающе однообразных нападов.

Первая: советские писатели, поставленные в особую привилегированные условия существования, не знают жизни и лакируют действительность, выдавая желаемое за достигнутое. Вторая: советская литература, подчиненная партии, государству, «создана по команде», и писатель перед тем, как сесть за письменный стол, должен согласовать тему своего будущего произведения с неким таинственным «высшим органом», и поэтому-де в Советском Союзе «отсутствует свобода творчества». И, наконец, третья: с тех пор, как Горький, по указке Сталина, придумал социалистический реализм, этот метод превращает в прокрустово ложе для литераторов, почему советская литература будто бы стала необыкновенно однообразной.

Конец прошлого и начало этого года, ставшие порой обострения идеологической борьбы, были временем особенно яростных атак на нашу литературу. На этот раз к трем тезисам был присоединен четвертый, обобщающий и уже совершенно сокрушительный: советской литературы, в сущности, нет. Писатели есть. И книги есть. И журналы, как всегда, издаются. А вот литературы нет.

Не собираясь полемизировать с авторами этих «теорий», я хочу только сказать им: господа, зачем вы тратите столько пыла, чернил, бумаги для того, чтобы воевать с советской литературой, которой, по вашему уверению, не существует? Почему именно в последний год ваши нападки на советскую литературу стали особенно яростными?

Объясняется же все это очень просто. Именно тем, что советская литература существует, успешно развивается, тем, что за рубежом, в частности в капиталистическом мире, она находит себе все новых и новых читателей; тем, что, неся за границы нашей Родины большую правду о жизни людей, об их титанической борьбе и легкой их работе, она завоевывает сердца миллионов.

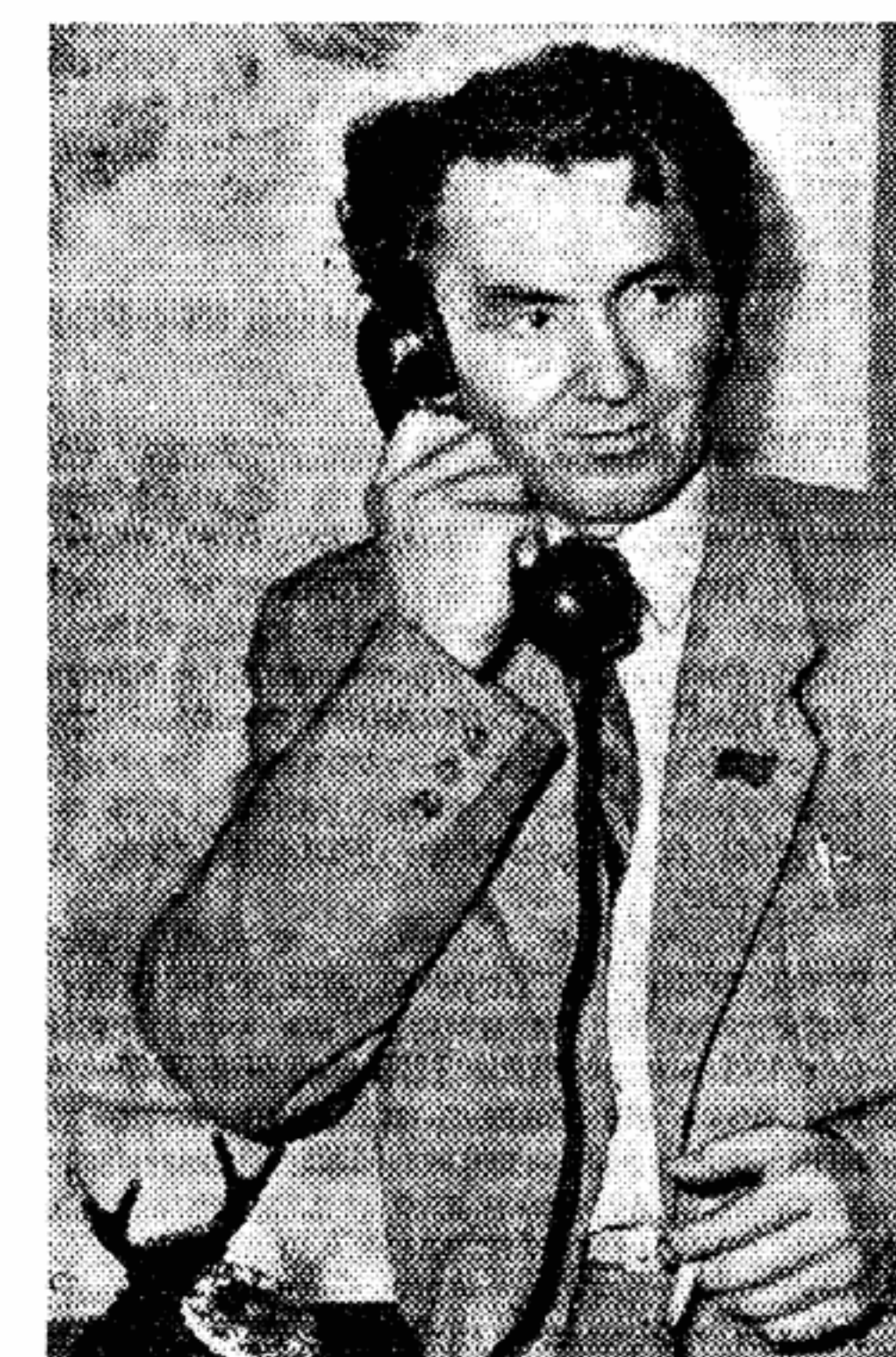
Б. Полевой приводит цифры, доказывающие громадную распространенность и стремительный рост тиражей книг советских писателей за рубежом.

Но не всякую критику нашей литературы, говорит далее Б. Полевой, звучащую из-за рубежа, мы должны отвечать. За границами советской земли и дальше за рубежами социалистического мира у советских писателей не только миллионы внимательных читателей, но и много настоящих друзей, в частности и среди литераторов. И критику умную, строгую и доброжелательную, сколь бы резкой она ни была, нам нужно принимать, чутко прислушиваясь к ней. В пример такой дружеской критики Б. Полевой приводит высказывания Арагона и передовую статью чехословацкой литературной газеты.

— Но, говоря о дружеских дискуссиях между литераторами социалистических стран, — продолжает Б. Полевой, — я должен сказать, что кампания буржуазной пропаганды, направленная на уничтожение советской литературы по причинам, вполне понятным, иногда, и уже по причинам, менее понятным, находит себе отклик среди литераторов стран, строящих социализм. Причем объектом атаки становятся не недостатки конкретных художественных произведений, а именно то, что всем нам, советским писателям, дорого и свято, что является основой основ всех успехов нашей литературы, а именно ее партийность и социалистический реализм.

В устах польского критика Яна Котта, как и в устах некоторых других польских писателей, которые еще недавно — и мы это помним — провозглашали социалистический реализм как панacea от всех литературных бед, он с некоторыми пор стал жупелом. Причем они, порой совершенно утрачивая чувство юмора, пытаются свалить всю вину за появление бледных, скучных, холодных книг, вышедших из-под их пера, именно на социалистический реализм.

О том, что лежит в основе таких высказываний против социалистического реализма, против партийности в литературе, можно проследить на одной, на мой взгляд, примечательной литературной дискуссии, прошедшей недавно в Югославии. Председатель Союза югославских писателей Иосип Видмар, оспаривая принцип партийности в литературе, решил сослаться на... Ленина. Основываясь на оценке Владими-

МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ ПЛЕНУМА. Председательствующий объявляет: «Сейчас пятнадцатиминутный перерыв. После перерыва выступит...» Последнее его слова почти никто не слышит: они тонут в шум. Все устремляется из зала. Отправляемся и мы в фойе. Здесь можно увидеть много любопытного. Пост Сергея Орлова, по-видимому, готовится к выступлению, он стоит в стороне от всех — задумчиво и сосредоточен. А вот Емилан Буков уже произнес речь: можно позвонить по телефону друзьям. Всюду завязываются сживленные беседы. Нелегкий вопрос задал Сергей Залыгин Борису Полевому: сразу не отпустил. Александр Корнейчук ного-то развязывает, но не так-то легко найти человека в этой активной курьей, шумливой, «штурмующей» буфет и книжный киоск толпы...

ЗА ЕДИНСТВО СИЛ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

Держать порох сухим!

Слово предоставляется Л. Новиченко. Наша литература, отмечает он, всегда была сильна чувством социальной ответственности писателя перед обществом, перед прогрессивными общественными идеалами. Это, пожалуй, главное из чувств, которые воспитывал в наших литераторах А. М. Горький. Без этого чувства все разговоры о демократии и свободе творчества, о борьбе с административным, догматизмом и т. д. становятся пустыми, фальшивыми и вредными.

Как бы ни отстаивал А. Крон в своих «Заметках писателя» право на «писательскую свободу», как бы он ни живописал об этом, такие высказывания и писания идут лишь на потребу мещанства и наших идейных врагов. То же можно сказать о таких произведениях, как роман В. Дундичева, рассказы «Рыцари» А. Яшина, поэма С. Бирсанова «Семь дней недели», о некоторых сходных произведениях, появившихся в украинской литературе. В них, помимо неправильного, одностороннего метода познания действительности, отчетливо видно и ослабление высокого чувства социальной и общественной ответственности писателя.

Узкий, кружковой успех, приятельское одобрение, сомнительная, а часто скандальная популярность в определенных околотературных кругах представлялись авторам наших произведений более важным и ценным, чем настоящее народное признание, которое сопровождается книгой, художественно утверждающую большую правду.

Ничего общего не имеют с социалистическим реализмом произведения, в которых авторы вместо глубокого анализа и показа жизни в ее целостном виде, в непрерывных связях каждого отдельного явления с общими, демонстрируют другой метод — метод выхватывания разрозненных фактов и построение на их основе споропатетических, только внешне впечатляющих выводов. Из широкой гаммы чувств, гармонично созвучных с разумом человека, ими культивируются некие определенно избранные оттенки, связанные преимущественно со скептицизмом, с горечью, с высокоме-

рием или трагическим чувством отчуждения человека от всего общества. Здоровые традиции реалистической литературы, основанной на уважении к разуму, в подобных произведениях поменяются чисто эмоциональным подходом к действительности, интуицией. Не случайно среди молодых поэтов так нередко встречаешь это одностороннее увлечение только эмоциями. К слову сказать, добавляет оратор, у нас подчас литература, даже питаемая очень правильными чувствами, правильными намерениями и идеями, эмоционально бывает бедна. Это наш недостаток, и критика должна на него обратить особое внимание.

Помочь нашей молодежи разобраться в истинности критикуемых здесь произведений — дело общественное, дело государственное. И никакими ссылками на какие-то цитаты, никакими чисто умозрительными доводами никто нас не убедит в том, что мы должны сиесть сложа руки и не должны бороться против опасности размагничивания нашей молодежи!

Ленинская партийность в литературе была и будет нашим руководящим принципом. Это требование общества, народа, черта, возникшая из глубочайшей природы нашей литературы. Мы за единство наших советских писателей на принципиальной основе.

Справедливо критикуя все вещи, которые построены на одностороннем, превратном выплывании теневых сторон нашей действительности, мы в то же время не должны посягать на ком-либо на необходимость дальнейшего широкого развертывания критики в произведениях наших литераторов, критики всех недостатков, мешающих нашему продвижению к коммунизму. Мы должны держать порох сухим против всего того, что доставляло нам столько бед в прошлом, — против демонагии, против ухода от противоречий и сложности жизни. Все здоровое, отвечающее нашим советским интересам, что вошло в жизнь после XX съезда КПСС, мы должны бережно сохранить и развивать.

Справедливо критикуя все вещи, которые построены на одностороннем, превратном выплывании теневых сторон нашей действительности, мы в то же время не должны посягать на ком-либо на необходимость дальнейшего широкого развертывания критики в произведениях наших литераторов, критики всех недостатков, мешающих нашему продвижению к коммунизму. Мы должны держать порох сухим против всего того, что доставляло нам столько бед в прошлом, — против демонагии, против ухода от противоречий и сложности жизни. Все здоровое, отвечающее нашим советским интересам, что вошло в жизнь после XX съезда КПСС, мы должны бережно сохранить и развивать.

О писательском долге

Выступает Н. Симонов.

— Мы, писатели, — говорит он, — в большом долгу перед народом. Вообще литература, которая живет одной жизнью с народом, всегда в долгу перед ним, так как даже при самом максимальном напряжении сил она все же не в состоянии выразить всю полноту необъятной народной жизни, — она только стремится к этому идеалу. Лишь литература, далекая от народа, может искусственно думать о себе, что она ничего не должна народу и свою жалкую свободу от такого долга объявляет «свободой творчества», прикивая этими гордыми словами всю свою безответственность перед народом. А наша литература была, есть и будет слита с жизнью народа, она была, есть и будет в долгу перед ним. — в общих смыслах, о которых говорил Маяковский: и как «народа водитель» и как «народный судья».

Наша партия и народ решают сейчас огромные исторические задачи. Это требует необычайно огромного размаха и от литературы. Опираясь на весь свой предшествующий опыт, литература наша должна шагнуть на новую ступень. Литература должна быть на уровне передового читателя, иначе какая же она передовая литература! О том, как приблизиться к великому идеалу изображения жизни, нам предстоит подумать всем вместе — и здесь, на пленуме, и каждому в одиночку за своим письменным столом. То, что мы не отразили этого в своем коллективном докладе пленуму, является нашим общим упущением.

— Ни для кого из участников пленума не секрет, — продолжает оратор, — что между людьми, подготовившими этот доклад, были споры и разногласия, не раз выраженные в печати и в выступлениях. Однако доклад этот мы готовили коллективно, и думаю, что это правильно и полезно. Считаю своим долгом сказать на пленуме, что в результате многих споров и многих размышлений я почувствовал, что был неправ, однокор в ряде своих прежних высказываний и в том, как велся журнал «Новый мир». Тек, что хотел узнать, как я отношусь к этим своим ошибкам, я отсылаю к нашему коллективному докладу на этом пленуме и к моей статье о социалистическом реализме, напечатанной в мартовском номере «Нового мира».

Я решил сказать об этом, так как есть еще литературные обвинители, любители изображать человека, в чем-либо честно ошибающегося, а потом так же честно признавшего свои ошибки. — Изображать этого человека то ли невинной жертвой, то ли жалким трусом. Эти обвинители я и хочу сказать: не изображайте на лице сочувствия по адресу наших литераторов! На писателя-то вам как раз и наплевать, он вам не дорог. Вам дорог тот скандал, который вспыхнул вокруг его имени. А окончился скандал, и окончилось ваше внимание к этому писа-

телю. Я вполне сознательно хочу доставить этой своей речи неудовольствие всем любителям дешевого скандала, которые хотели бы получить от него удовольствие. И делаю это — доставляю неудовольствие — с большим удовольствием.

А теперь мне, как одному из тех писателей, которые написали бы больше книг, если бы говорили меньше речей, хочется кратко сказать о самом главном для меня, как и для всех нас, — о книге. Настало время больше нам говорить в нашей писательской среде о своих творческих планах и перспективах. Из чего же складывается литература, как не из книг! А мы мало говорим о книгах — своих и чужих. Мы берем вопросы литературы в общем и целом, но разговор нередко идет вне конкретного восприятия того общего и целого, что есть у каждого писателя в отдельности. Частный опыт обычно содержит в себе зерно общего интереса, общего опыта. Писатель мыслит конкретно, он подходит к общению, к специальным вопросам литературы через свой конкретный писательский опыт, через свои книги и рукописи. Тут чаще всего он говорит то, что является полезным, а подчас существенным для всей литературы.

В этом смысле мы порой сами себя обкрадываем всюду, вплоть до собственных пленумов. Конечно, пленум — это не серия творческих докладов и отчетов, но если бы на этом пленуме мы услышали, что делает и что хочет делать каждый из участников пленума, какие идеи, проблемы, какие вопросы волнуют его за письменным столом, — то это уже было бы существенной частью картины того, что делает наша литература!

Я хотел бы услышать на каком-либо пленуме, наряду с другими, доклад Фелина о его работе над книгами или доклад Твардовского о поэзии с точки зрения его собственного поэтического опыта. Такие доклады могли бы послужить надежной основой для дискуссии, дать очень много для нашей литературы вообще и для теории социалистического реализма в частности, — не меньше, чем постановка общих докладов по вопросам теории. Нам нужно и то, и другое. В центре внимания нашего Союза писателей мы прежде всего должны ставить книгу. Без книги нет писателя. Без разговора о книге нет писательского разговора о литературе.

В понятии «литература — наше общее дело» сочетаются права и обязанности. И никогда народ, наши читатели, считающие нашу литературу общим делом и всемерно помогающие создавать эту литературу, они никогда не согласятся, чтобы в то же время иные писатели считали эту литературу своим личным делом, игнорировали бы интересы народа. Таким писателям народ может дать почувствовать, что значит оказаться в положении одиночества, когда человек ставит выше всего свои личные интересы. У нас, у советских писателей, есть

благородные обязанности и права. Они составляют неразрывное единство. Это очень важно помнить каждому из нас в работе над своими произведениями.

Поскольку я сам призывал к этому другим, то два слова скажу о своей работе над книгой, которую я думаю выпустить в ближайший год. Это роман о 1941 военном году. Мне хочется создать книгу, которая будет продолжением «Русских людей». Мне хочется отдать этой работе как можно больше сил.

А тем людям, которые будут пытаться мешать нам отдавать все свои силы своим книгам, этим людям с их визгом и злопыхательством по поводу того, что у нас болит в душе и в памяти, мы скажем словами Маяковского:

Литературная шатля, успокойте ваши нервы, отойдите, — вы мешаете мобилизациям и маневрам.

Надо сказать, что от речи Б. Симонова можно было ожидать больше: больше самокритики, так как ошибки и его личные, и «Нового мира» немало поволовали общественность. Между тем в статье, в которой он «отсылает», самокритикой и не пахнет, в ней есть только поучения.

Наше богатство

Н. Рогов в своем выступлении обращает внимание на то, что после XX съезда партии особенно усилился процесс глубокого осмысливания нашими писателями сложных явлений общественной жизни, стремление к более полному и всестороннему показу в литературе дел советского человека. Это находит свое выражение не только в наших творческих дискуссиях и спорах, но главным образом в новых книгах, новых произведениях, которыми писатели встречают сорокалетие Советской власти. Стала прочней связь писателей с делами народа, с построением коммунистического общества. Не потому ли наша литература подвергается сейчас таким яростным нападкам со стороны наших врагов?

Характерной чертой последних лет является повышенное внимание к произведениям с широкой проблематикой, охватом широкого круга жизненных явлений. Это очень важно. В советской литературе создаются конкретные предпосылки для нового большого взлета.

К сожалению, литературная критика еще слабо проследивает этот процесс, ограничивает себя очень узким кругом произведений, не видя литературы во всей ее полноте. Она резко обращается к творчеству писателей национальных республик,

Найти свое твердое место в жизни

Указав на ряд неточных, неясных формулировок положений в докладе секретариата (в частности, где речь идет о М. Пришвине и писателях, «кого сегодня нельзя без натяжки назвать социалистическими реалистами»), А. Макаров переходит к основной теме своего выступления — работе с творческой молодежью.

Известно, замечает он, что в нашей литературе последние лет рядовой советский человек еще не знал должного, главенствующего места, писатели больше интересовались образами руководителей, председателей колхозов и т. д. Справедливо полагая это, молодые литераторы, однако, по временам не вполне понимают, что значит внимание к рядовому человеку, что значит поставить в центр своего произведения маленького простого человека. Никогда нельзя забывать сказанное А. М. Горьким: маленький великий человек. Необходимо показать самого человека, рядового строителя социализма, в неразрывном единстве его общественной, идейной и личной жизни. И если одно время в произведениях основное место занимала «общественная линия», то сейчас, по инерции, часть литературной молодежи бросилась в другую сторону. Она интересуется

Крепите дружбу

Перестройка управления промышленностью, — подчеркнул М. Бажан, — имеет непосредственное отношение и к процессам роста нашей литературы. В конце концов, она должна исправить то положение, которое у нас сейчас сложилось, — ведь у нас образовалась гигантская московская организация, в которой находится почти треть писателей Советского Союза, да и у нас, в Киеве, находится больше половины писателей Украины. Я думаю, что отрыв от народа, отрыв от жизни нашей страны, эта изоляция, в которой живут некоторые из 1200 московских литераторов, в какой-то мере способствовал появлению той гнили, о которой мы сейчас на пленуме говорим.

Богда значительная часть научно-технической интеллигенции направляется в центры новых экономических районов, центра технической интеллигенции приближается к непосредственным процессам создания материальных благ, когда возникает возможность более полного раскрытия творческих сил народа, — это, конечно, потребует перераспределения писательских сил. Создание в областных центрах новых печатных органов, книжных издательств, клубов литераторов и журналистов, становление полноценной литературной жизни в областных или даже в районных городах — все это может в корне изменить существующее положение.

Удар по людям, оторвавшимся от народа, удар по бюрократам — вот чем является перестройка управления промышленностью, проводимая партией. Это удар по Дроздовым и Шуткиным, не сравнимый с теми укусами мелких, злобных Лопаткинских, которых хотят представить здесь как неких борцов за правду в нашей стране, — этот удар, к сожалению, пока еще не отражен в нашей литературе, даже в таком оперативном жанре, как очерк или публицистика.

События последних месяцев показали, продолжал М. Бажан, что наши враги не считают нужным выпускать из рук такое ядовитое оружие, как национализм. С помощью этого оружия они пытались отколоть демократическую Венгрию от семьи братских народов социалистического лагеря. Отдельные националистические настроения в Польше привели к циничной пропаганде антирусских и антисемитских лозунгов.

От подобных попыток возродить националистические тенденции не гарантированы и мы. Были такие попытки и в среде украинских писателей. Однако украинские писатели единодушно и резко дали отпор этим националистическим тенденциям, направленным против пролетарского интернационализма и дружбы народов.

От подобных тенденций и репидилов не гарантирована и русская советская литература. Я думаю, что «Желтый металл» Валентина Иванова — произведение желтой литературы, проникнутое духом великодержавной нетерпимости к малым народам. Этот В. Иванов в своей книге умудрился очернить и украинцев, и грузин, и евреев, и армяков. Можно назвать еще одно произведение подобного бульварного толка — «В окрестностях тайны» Н. Жданова.

Я не хочу рядом с этой макулатурой

Ш. Маннур посетил свое выступление опровержению вульгаризаторства в подходе к историческому жанру. Он критиковал некоторые произведения, неверно изображающие взаимоотношения русского и татарского народов, говорил о необходимости внимательно и терпеливо воспитывать литературную молодежь, бережно относиться к памятникам народного творчества.

— У нас, — сказал Ш. Маннур, —

туру наших областей, оживит жизнь периферии. Но я боюсь, что когда организуется Российский Союз писателей, окажется три аппарата: центральный, московской организации и российский организации. А нам увеличивать аппарат совершенно ни к чему.

И еще одно. Мы привыкли в течение многих лет к тому, что руководство Союза писателей нас воспитывает только на отрицательных примерах. Ведь мы непрерывно слышим о плохих произведениях нашей литературы, слышим о том, что так не надо делать, что это — нехорошо и т. д.

Общая ответственность

Суть Первого съезда в основном состояла в консолидации писательских сил. Но о какой консолидации сил идет сейчас речь? Мне кажется, что за 40 лет существования Советской власти наши силы должны были быть достаточно сдementированы.

Мы говорим сейчас об отстаивании позиций социалистического реализма, хотя мы все свидетели тому, что этот метод оправдал себя. Следую ему, мы возвысили свою советскую литературу, создали прекрасные произведения. А сейчас этот испытанный метод берется под сомнение.

Далее М. Турсун-заде критикует секретариат за отсутствие коллегиальности в работе, за терпимость к идейным ошибкам журнала «Новый мир», правления московской писательской организации и ее печатных органов. Что это за коллегиальность, что это за демократизация, если секретариат Союза писателей отменяется от руководства своими органами?

За последние два года в Югославии, Польше и других странах наша литература подвергается атакам, а «Литературная газета» в этом вопросе занимает либеральную позицию.

— Я наблюдаю, что в последнее время, — продолжал оратор, — многие лучшие силы московской писательской организации отошли от Союза. Думали ли секретари Союза писателей о том, почему это происходит, почему создалось такое ненормальное положение?

Крепите дружбу

«Дни Турбиных» М. Булгакова, но после того, как стали провозглашать эту вещь классикой советской драматургии, я вынужден возражать. Писец талантливого драматурга М. Булгакова реабилитировать русскую белогвардейщину, неправильно показывая процессы классовой борьбы и гражданской войны на Украине.

В последнее время, особенно в 1957 году — году юбилейном, очень странно на страницах центральных журналов видеть различные произведения, посвященные русской белой эмиграции, в которых одним миром мазаны все и вся. А нужно бы помнить, что недавно как раз проходила так называемый съезд белоэмигрантов, которые казались в верности американским империалистам.

Мы всем сердцем радуемся и благодарим партию за восстановление добрых имен писателей, которые были несправедливо вычеркнуты из истории советской литературы. Мы радуемся, когда видим, какие значительные идейно-художественные ценности становятся на службу нашему народу. Но есть тенденция (се можно наблюдать и у нас на Украине) под этим предлогом смазать значение для развития и украинской литературы и всех других литератур процесса жестокой, нужной и плодотворной борьбы с чуждой нам идеологией.

Мы прожили напряженный год. Но причина для истерик и отчаяния нет и не было. Из того действительно прекрасного и большого, что создано нами за сорок лет, ничто не может быть обесценено, уничтожено, отброшено в сторону. Среди нашей интеллигенции нашлись, к сожалению, неустойчивые люди, которые думали в панике, что необходима переоценка всех ценностей, полная смена векта. Неправильно ставился вопрос и о личности И. В. Сталина. Многие ретивые редакторы дошли до того, что имя Сталина стали вычеркивать из наших произведений. Один из московских писателей заявил, что он горд тем, что ни в одном его произведении никогда имя Сталина не было упомянуто. А ведь гордиться то нечем.

Зачеркивать все, что было сделано Сталиным доброго, зачеркивать весь тот путь, который мы прошли, веря в Сталина как воплощение наших мечтаний и идеалов, видя в Сталине воплощение партийной воли и партийного руководства, было бы недостойно честных советских людей и честных советских писателей.

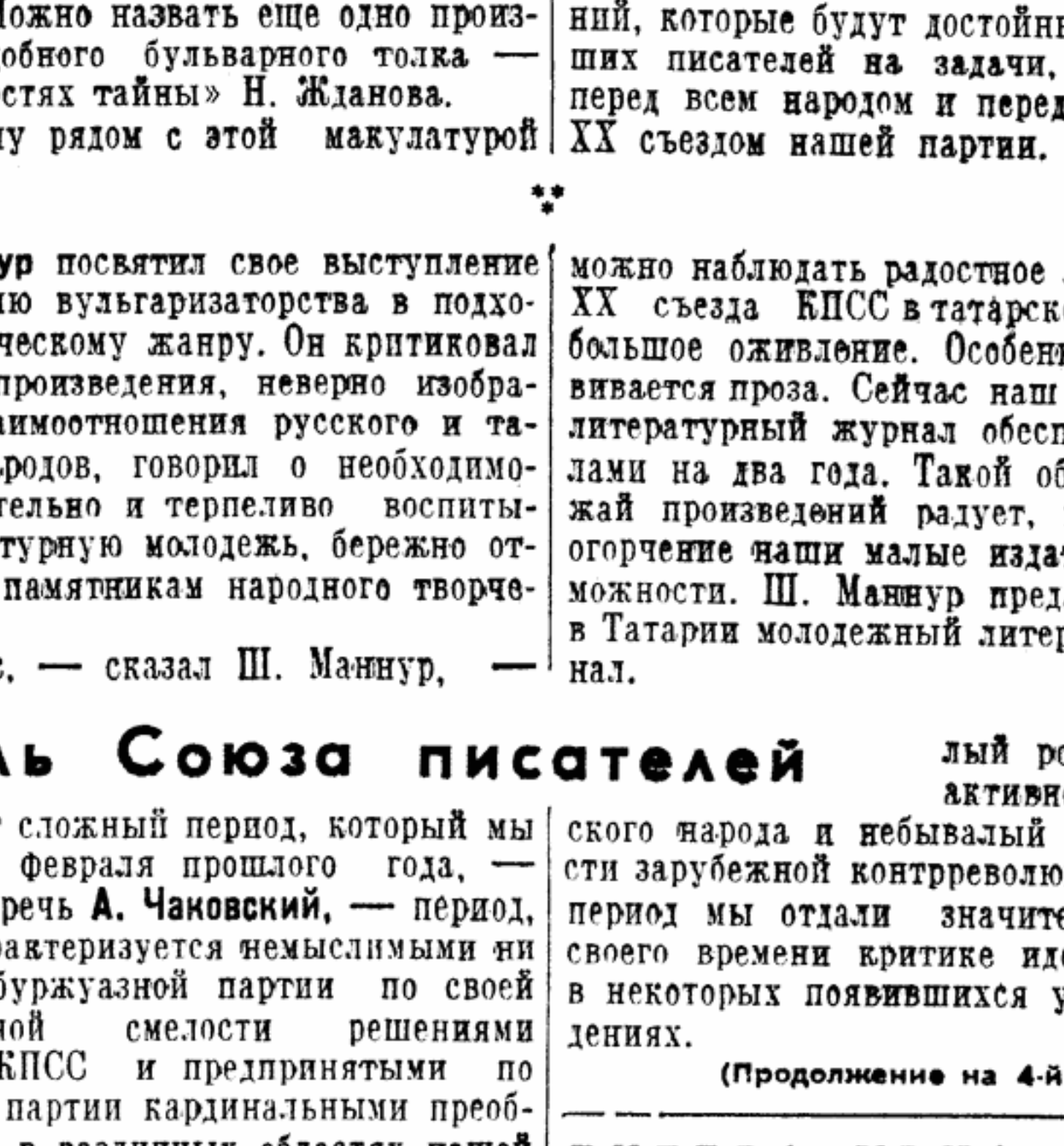
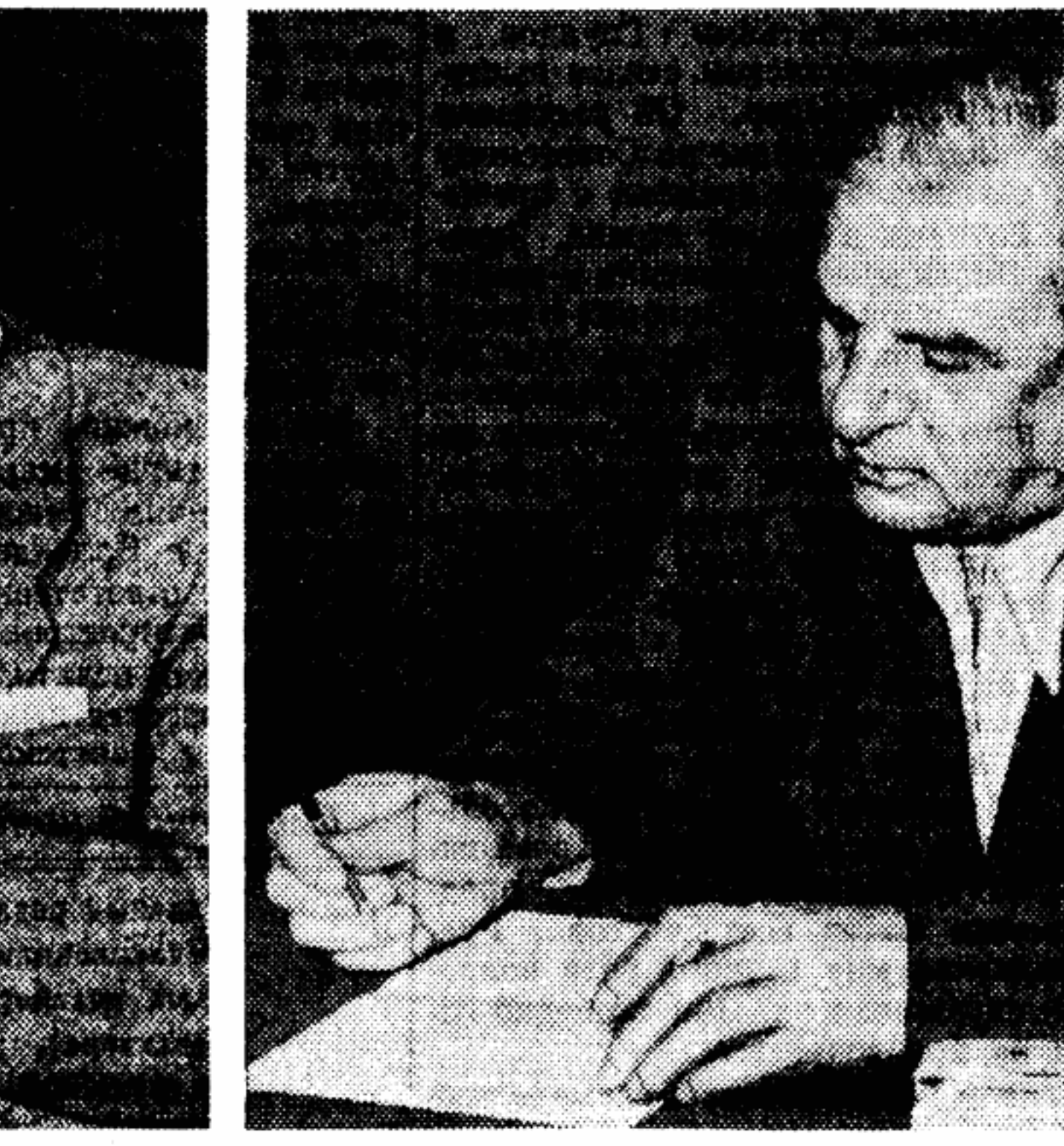
Нет никакого сомнения, — закончил свое содержание пленум, — закончил свою содержательную, возвышающую, выслушанную присутствующими с живым интересом речь М. Бажан, — что весь многонациональный отряд советских писателей, верных и преданных сынов и дочерей великого, героического народа, достойно преодолев все трудности, преодолев некоторый раздор и сумятицу в умах отдельных представителей благородного и прекрасного племени советских писателей. Мы эти трудности преодолеем и сорокалетие Октябрьской социалистической революции отметим появлением таких произведений, которые будут достойным ответом наших писателей на задачи, поставленные перед всем народом и перед литературой XX съездом нашей партии.

Роль Союза писателей

В этот сложный период, который мы пережили с февраля прошлого года, — начал свою речь А. Чановский, — период, который характеризуется немалыми ни для одной буржуазной партии по своей революционной смелости решениями XX съезда КПСС и предпринятыми по инициативе партии кардинальными преобразованиями в различных областях нашей общественной и хозяйственной жизни, период, для которого характерен небыва-

лый рост творческой активности советского народа и небывалый рост активности зарубежной контрреволюции, — в этот период мы отлади значительную часть своего времени критике идейных ошибок в некоторых появившихся у нас произведениях.

(Продолжение на 4-й стр.)

Интересно, что читает Валентин Катаев Миле Кремлеву? Им явно весело. Впрочем, весело не только им; то здесь, то там слышались взрывы смеха, громкие возгласы. Только Георгий Леонидов не слышит шума, он углубился в рукопись. Трудно, конечно, работать в такой обстановке, но что поделаешь; нужно срочно сдавать статью...

ЗА ПАРТИЙНУЮ ПРИНЦИПАЛЬНОСТЬ, ЗА ЕДИНСТВО СИЛ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

(Продолжение. Начало на 1-2-3 стр.)

Эта критика была необходимой и неизбежной. Более того, я полагаю, что мы даже несколько запаздали с ней. Но, ведя эту борьбу, мы несколько ослабили наше внимание к, может быть, еще небольшим, но многозначительным достижениям советской литературы последнего времени, многозначительным потому, что они свидетельствуют о глубоком сочувствии и горячей поддержке писателями того мудрого курса нашей партии, который символизирует исторический XX съезд КПСС.

Это ослабление внимания к положительному, к сожалению, характерно и для нашего пленума. Я думаю, что будет правильно, если мы сегодня обобщим наше литературное руководство, сохраняя идею непримиримости, более внимательно и заботливо следуя за всем нужным, положительным, что появляется в нашей литературе, дополнить в нашей повседневно-практической пафос идейной борьбы пафосом утверждения.

Однако факт остается фактом: появились и ряд произведений, в которых идейные просчеты заслуживают серьезной критики. В чем же корень ошибок их авторов, большинство которых известны народу как талантливые, честные люди? Я верю в то, что они взяли перо в руки для того, чтобы, как им казалось, помочь партии. Они жестоко ошиблись потому, что всем своим опытом советской жизни, будучи закаленными против откровенно вражеской пропаганды, не сразу раскусили новые формы буржуазной пропаганды, маскирующейся в социалистическую фразеологию. Им не хватало политической зрелости.

Мне кажется, что есть что-то неправильное во многих из наших разговорах о социалистическом реализме. Мы обсуждаем проблемы социалистического реализма не в плане развития нашей творческой мысли, а в плане словесной защиты этого замечательного метода. Некоторые провинциальные умники нам говорят, что наш метод выдумали Сталин, Жданов и Горький на Первом писательском съезде. Тогда мы испускаем горы бумаги, чтобы доказать элементарную для каждого сведущего в истории советской литературы вещь, что этот метод органически присущ прогрессивной социалистической литературе и что «Мая» была написана задолго до Первого съезда писателей.

Невежды, а иногда и провокаторы нам кричат: ваш метод — это собрание догм, которые ведет к всеобщей инвекции.

А мы отвечаем: нет, социалистический реализм не исключает, а предполагает различные творческие индивидуальности; у нас есть Твардовский и Кирсанов, Шолохов и Паустовский, Шипачев и Мартынов.

На этом, собственно, разговор и кончается.

Конечно, зарубежным невеждам и провокаторам мы даем и будем давать сдачи. Но ведь социалистический реализм нужен нам не только как знамя в литературной борьбе. Он нужен нам и для нашей собственной творческой работы. Эта сторона вопроса значительно сложнее первой.

Здесь речь уже идет о нашей литературной практике, о том, что в этой практике проявился ряд догматических наслонений, в которых мы должны разобраться не только для нас, но и для нашей социалистической культуры в глазах честных заблуждающихся людей, но, главным образом, для нашей собственной успешной творческой работы.

Очень часто в критических статьях в течение долгого периода нашей жизни мы читали справедливые требования показывать жизнь правдиво. Однако, анализируя конкретное содержание этих требований, мы видели, что они нередко сводились к тому, чтобы в каждом отдельном произведении, как в капле воды, было бы отражено все многообразие нашей жизни. Не дух многообразия, а именно само конкретное многообразие или, точнее говоря, расстановка сил.

Речь идет в конечном итоге о том, следует ли считать отражающими картину жизни только те произведения, в которых наиболее полно представлена вся расстановка сил, существующая в реальной жизни. Или правдивость произведения в конечном итоге определяется наличием в нем духа времени, пафоса торжества прогрессивных идей и т. д.? Я думаю, что правдивым произведением может быть и то, и другое.

Как же все-таки добиться такого положения в литературе, чтобы, не ущемляя творческих индивидуальностей писателей, рассматривать и оценивать каждое произведение с точки зрения того, удалось ли автору в им же избранном жанре и при помощи им избранных художественных средств передать торжество нового, советского над старым, враждебным? Как же все-таки добиться, чтобы при этом условии основной поток нашей литературы отражал советскую жизнь в ее главных свершениях?

Думаю, что здесь-то мы и подходим к вопросу о роли Союза писателей как общественно-политического, творческого, направляющего и воспитывающего организма. Именно в этом его главная задача: направлять писателей, проводить такую систему общественно-творческих мероприятий, чтобы основной поток нашей литературы двигался по главному руслу.

Развитие нашей литературы — не академический процесс. Оно происходит в борьбе. Это — борьба за партийное формирование литературного процесса. Это — борьба за души людей, заблуждающихся, но честных, ошибающихся из неопытности, в том числе и политическую, а не по злему умыслу. Это — борьба с врагами, где бы они ни находились, против всех тех, кто, прикрываясь личными революционными, хочет пустить под откос сорокалетний победоносный опыт советского строительства социализма. Нет сомнения, что в этой борьбе победа будет за нами.

В критике и литературоведении появились объективизм. В «Литературной газете» напечатана правильная статья В. Соловьева. А прочтите статью А. Метченко в «Новом мире». Там отрицается вся борьба, которая шла в литературе, и рядом аккуратно лежат и Маяковский, и РАПП, и «Перевал», и «Жузица». Не к лицу нам быть объективистами.

Редколлегия «Литературной Москвы» тоже заняла объективистскую позицию. Присмотритесь в «новизне» рассказы Яшина и Жданова во втором сборнике «Литературной Москвы». Такой затхой стариной пахнет, что тошно.

Президиум московской писательской организации очень боится вмешиваться в деятельность редколлегии «Литературной Москвы». Иногда надо быть резким. Мы терпели, что в нашей мемуаристике «Московский литератор» появляются по объективистским флагом материалы, вносящие муть в жизнь нашей организации, а потом набрасались на духу и сжали редактора Рудного.

Мы на этом пленуме мало говорим о новых книгах. Будто, кроме романа Дудинцева, ничего не было. А как много хороших и интересных книг создано московскими писателями! Смотрите, как развернулось зарождение Павла Нилина! А завершение многотомной работы В. Катаева — его «Хуторок в степи!» А работы В. Тендрякова, Г. Базлова, А. Чаковского, В. Жовнерникова, «Дом на площади» Э. Казакевича, «Открытая книга» В. Каверина, «Открытие мира» В. Смирнова, рассказы С. Антонова, «Ручьи весенние» Е. Пермитина, «Глубины-городок» Л. Обуховой, «Повесть о первой любви» Н. Атарова!

Мы мало говорим о хорошем — это наш недостаток. В период обострения идеологической борьбы для отражения атак противников нам нужно выкатить на боевую позицию весь наш положительный опыт. Мы от этого становим сильнее!

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

Нельзя не сказать о том, что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергнувшись на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы.

ОДА МАТЕРИ ЛАНКА К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Незрима я, но я везде, Я странную по свету Не белой туче, как в лодке, На небе носит ветер, — И я приветствую людей Большой страны Советов.

Сенатор Б. ПАЛИПАИ, ЦЕЙЛОН. Недавно Советский Союз посетил Цейлонский парламентская делегация. Перед отъездом на родину член делегации сенатор В. Палипай передал в Парламентскую группу СССР стихотворение «Ода Матери Ланка к советскому народу» — поэтическое послание, чтобы советские люди посетили гостеприимный Цейлон. Ниже мы печатаем перевод этой оды.

Друзья! В край сказки и мечты И путь открыт вам, Тот край усыпанный цветами, Прозрачен воздух там, И я шлю песни с высоты Тем родам и лугам.

Там в себе волшебный сок Для хлопотливых пчел. Едва заря зажмет восток — Их час труда пришел.

Спасем три благородные жизни!

В эти ясные дни пышно цветущей московской весны с особенным волнением пронесим мы название далекого средиземноморского острова, где гибнет цвет греческой молодежи в борьбе с английскими колонизаторами. То, что происходит на Кипре, глубоко волнует всех нас. И вдруг телеграф приносит новое страшное известие: военный суд в Афинах приговорил к смертной казни трех греческих патриотов — Спироса Коцакиса, Георгиоса Моранитиса и Георгиоса Спаноса. За что? По ложному обвинению «в шпионаже в ущерб безопасности страны».

Восемьсот сорок человек своим возмущительным приговором мстят им за это! Советские люди не верят афинскому суду. Советские люди поднимают свой гневный голос протеста против несправедливого приговора. Мы уверены, что к нам присоединится мировое общественное мнение, что честные люди во всех странах мира, независимо от своих политических убеждений, вместе с нами будут протестовать против приговора афинского суда.

Советские люди — давние и верные друзья Греции, они всегда с большой сердечностью встречали представителей греческого народа, приезжавших в нашу страну, они посещали Грецию всегда только с искренней доброй волей.

Жизнь трех греческих патриотов должна быть спасена! Мировое общественное мнение стало сегодня силой, которую нельзя игнорировать. Пусть же услышат наш гневный голос в Афинах, пусть на всех языках мира грянет великий призыв к справедливости!

Наша совесть потрясена, чувство справедливости ясно говорит нам, что суд над греческими патриотами организован в угоду виновникам антикоммунистической истерии.

Греческие патриоты обвиняют «в шпионаже». Кто поверит этой выдумке? Какие доказательства могут предъявить судьи? Обвиняемые являются греческими коммунистами, а мы знаем, с какой самоотверженностью и решимостью боролся за родину страну коммунисты Греции, когда фашистские завоеватели угрожали самому существованию греческого народа. Коммунисты были вдохновителями и организаторами отпора врагу, они бесстрашно шли в бой за Грецию. С каким сочувствием читали все мы в те дни сообщения о подвигах бойцов Народно-освободительной армии — ЭЛАС. В неравных боях боролся и побеждал герой. Сколько из них пали славной смертью на скалистой земле древней Эллады! Люди, которым предьявлено сегодня обвинение «в шпионаже», были бесстрашными участниками движения сопротивления фашистским захватчикам. Коцакис, Моранитис, Спанос много раз рисковали своей жизнью, отстаивая свободу и независимость своей родины, и афинские судьи

Трем греческим коммунистам угрожает смерть по фальшивому обвинению «в шпионаже». Мы знаем, что это обвинение сфабриковано греческой афафией. Но нужно ли доказывать, что полицейские агенты плохо разбираются в политике? Именно теперь, когда во всей Греции с каждым днем ширится и крепнет движение за путнее умиротворение, афинские судьи пытаются своим несправедливым приговором повернуть историю вспять.

Несправедливость не должна совершиться, правда должна восторжествовать, честные люди всего мира должны спасти благородные жизни Спироса Коцакиса, Георгиоса Моранитиса и Георгиоса Спаноса!

Клеветники пойманы с поличным

Со всех концов страны пришли в редакцию отклики на статью «Не верьте им!», опубликованную в «Литературной газете» 2 марта этого года. Читатели выражают свое возмущение клеветническими выдумками о нашей стране супругов Голуд и Роберта Грискома в февральском номере американского журнала «Лэдис хом джурнал».

«Меня, как и многих моих товарищей», — пишет комсомолец Юрий Апракин из Коми АССР, — возмущил клеветнический характер впечатлений американской туристической тройки... Эта тройца не интересовалась ничем хорошим, а искала что пожуе. Они не имели «свободного доступа к мыслям простого русского» потому, что не хотели разговаривать с теми простыми людьми, которые трудятся на наших предприятиях, проявляя массовый трудовой героизм».

А. Айзуп с Сахалина в своем письме как бы продолжает эту мысль: «Да, если бы эта тройца поговорила с рабочими завода, с тружениками сельского хозяйства, с теми, кто в суровых условиях Сибири или Севера строит новые совхозы, гидроэлектростанции, заводы, рабочие поселки, прокладывает новые дороги, рубит лес, то она увидела бы настоящие трудовые будни «простого русского»».

Читатели в своих письмах приводят много примеров опровержения клеветнических утверждений американских туристов. Рабочий Х. Данаев из Северо-Осетинской АССР рассказывает о работе Советского государства о стариках. Сам он, получающий пенсию по инвалидности, но продолжающий работать, в 1955 году отгулял на прекрасном курорте на Черном море в Сочи, а в 1956 году в санатории в городе Нальчике.

Эти письма простых советских людей — лучший ответ на грязные выдумки тех зарубежных гостей, которые смотрят на нашу действительность сквозь темные очки и никак не хотят снять их.

Следует, однако, сказать, что среди американцев, приезжающих в Советский Союз, есть и вполне трезвые, объективные наблюдатели. Так, например, в начале февраля, то есть тогда же, когда вышел в свет «Лэдис хом джурнал» с клеветническими статьями Голудов и Грискома, в американском сенате выступил сенатор Эллендер. Он рассказал своим коллегам о поездке по Советскому Союзу, совпавшей по времени с пребыванием Голудов в нашей стране. Заподозрив Эллендера в симпатиях к нашей стране трудно: он не раз говорил о своей неприязни к советскому строю. Тем более показательно, что его наблюдения — полная противоположность болтовне авторов статей в «Лэдис хом джурнал».

Сенатор Эллендер отмечает полную свободу, которая ему была предоставлена во время его поездки по Советскому Союзу. «Во время нашей поездки», — говорит он, — я мог свободно развещать, смотреть то, что хотел, и иметь при себе, кроме русского переводчика, своего собственного, сотрудника посольства США в Москве... Я имел возможность разговаривать с русскими — представителями почти всех кругов... Русские задавали мне всякого рода вопросы, а я спрашивал их. Они свободно отвечали на мои вопросы».

Эллендер рассказывает о размахе промышленности в СССР. «Всего этого можно прочитать в официальном вестнике американского конгресса «Конгрешнл рекорд» от 7 февраля. Выступление Эллендера — опровержение той безотчетливой лжи, которую усиленно распространяют многие органы американской печати, публикующие статьи недобросовестных «очевидцев», бывавших в Советском Союзе».

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет в среду, 22 мая.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, Ф. ФРОЛОВ.

Сенатор Эллендер побывал и в Крыму. «Во время моего пребывания в России я посетил Крым», — говорит он, — где бывшие царские дворцы превращены в рабочие отели и дома отдыха... Когда я посетил большой дворец в Ялте, который был построен для царей и который теперь является отелем (санаторием. — Ред.) для рабочих, я обошел по меньшей мере полдюжины больших комнат... Рабочие, которые жили во дворце, приехали со всех концов России. Здесь были врачи и юристы, некоторые из отдыхающих оназились председателями колхозов, другие были шахтерами и рабочими заводов».

Эллендер приходит к выводу: «У меня нет никакого сомнения, что русские сегодня живут лучше, чем когда бы то ни было».

Эллендер приходит к выводу: «У меня нет никакого сомнения, что русские сегодня живут лучше, чем когда бы то ни было».

Эллендер приходит к выводу: «У меня нет никакого сомнения, что русские сегодня живут лучше, чем когда бы то ни было».

Эллендер приходит к выводу: «У меня нет никакого сомнения, что русские сегодня живут лучше, чем когда бы то ни было».

Эллендер приходит к выводу: «У меня нет никакого сомнения, что русские сегодня живут лучше, чем когда бы то ни было».

Эллендер приходит к выводу: «У меня нет никакого сомнения, что русские сегодня живут лучше, чем когда бы то ни было».

Эллендер приходит к выводу: «У меня нет никакого сомнения, что русские сегодня живут лучше, чем когда бы то ни было».

Эллендер приходит к выводу: «У меня нет никакого сомнения, что русские сегодня живут лучше, чем когда бы то ни было».

Эллендер приходит к выводу: «У меня нет никакого сомнения, что русские сегодня живут лучше, чем когда бы то ни было».

Эллендер приходит к выводу: «У меня нет никакого сомнения, что русские сегодня живут лучше, чем когда бы то ни было».

Эллендер приходит к выводу: «У меня нет никакого сомнения, что русские сегодня живут лучше, чем когда бы то ни было».

Эллендер приходит к выводу: «У меня нет никакого сомнения, что русские сегодня живут лучше, чем когда бы то ни было».

Эллендер приходит к выводу: «У меня нет никакого сомнения, что русские сегодня живут лучше, чем когда бы то ни было».